

АЛИБЕК, когда вы по-няли, что будете петь?

— Вы думаете, я отвечаю: еще в детстве, да? Дом наш довольно музыкальный: дяди — певцы, мама пела. Такая обстановка, конечно, очень важна, и бесследно это не проходит. Может, поэтому я был уверен, что стану дирижером. Даже поехал поступать в Ленинградскую консерваторию. Не поступил, но похвалили мои «данные», даже звали на другой год все повторить сначала. Но я вернулся домой, в Алма-Ату, и решил попытать счастья, когда осенью объявили дополнительный набор на вокальный факультет в консерватории. Надо сказать, пел я тогда баритоном; даже позже, в студенческом хоре, — тоже баритон. И вот здесь уже сыграл роль случай: когда я начал петь на экзамене, вошла Надия Абдрахмановна Шарипова (сейчас она декан вокального факультета Казахской государственной консерватории им. Курмангазы, заслуженная артистка Казахской ССР). Села с краю, послушала. Пел я ужасно, отвратительным голосом. Как она умудрилась что-то услышать — не знаю. Разве только музыкальность моя сослужила мне добрую службу... Но Надия Абдрахмановна сказала: «Дайте-ка его мне...». Так я попал к моему замечательному педагогу, встрече с которой считаю везением всей моей жизни, ученице Е. К. Катувльской, человеку огромной культуры и знаний, говорить о которой могу бесконечно... Я обязан ей всем, что умею. Даже теперь, когда перед международными конкурсами меня дарят советами такие замечательные мастера, которых знает весь мир, — И. К. Архипова, З. А. Долуханова, П. Г. Лисициан (они, кстати, посоветовали мне после конкурса им. Глинки, когда я был студентом пятого курса, готовиться к участию в международном конкурсе), уроки Шариповой мне — как воздух.

— Надия Абдрахмановна тоже очень тепло говорит о вас, по-моему, она счастлива своими учениками...

— Но мне она часто говорит совсем другое... Я смеюсь, мол, не было этого, не было, а она рассказывает, как я был «баритоном», ужасно боялся верхних нот и все возмущался: «Вы мне сорвете голос...». Примерно через месяц занятий она сказала мне: «Нет, дорогой, ты — тенор».

— Ведущие музыкальные критики страны не скупились на похвалы во время летних гастролей ГАТОБ им. Абая в Москве. Ваш дебют — партия Ленского — был отмечен вот таким отзывом журнала «Музыкальная жизнь»: «Волнующая тре-

петность свежего, красивого, необычайно гибкого голоса артиста захватывает искренностью чувств, богатством эмоциональных нюансов». Так говорят о мастерах. Вам всего 27 лет. Популярность имеет не только свои плюсы, очень будет обидно, если она принесет и свои минусы. Допускаете такое?

— А что, есть опасения?

— Вопросом на вопрос... Как вы относитесь к нрав-

скими традициями — Собинова, Лемешева нельзя забыть. И мне очень понравилось, что главный режиссер театра заслуженный деятель искусств Казахской ССР Б. А. Рябкин старался прояснить мое собственное отношение и реакцию.

— Как вы учились играть? Ведь в опере это необходимо — наряду с владением вокальной техникой нужно верно определить моменты

«перехлестки» на репетициях и занятиях.

— По-моему, самая счастливая пора жизни, когда все события сопровождаются эпитетом «первый»... Правда, участие в международном конкурсе вокалистов в Рио-де-Жанейро будет вторым...

— Но я все равно готовлюсь к нему, как к тому — первому, имени Шумана —

общее, конкурсы много дают, расширяют репертуар, творчески тонизируют.

— Что готовите к поездке в Бразилию?

— Вместе с педагогом Надией Абдрахмановной Шариповой и прекрасной пианисткой (она известна и как композитор) Аидой Исаковой мы подготовили очень разнообразную программу от Генделя до произведений в стиле «модерн», от Моцарта до Стравинского. Придется исполнять произведения на английском, португальском, испанском, немецком, итальянском и, конечно, русском. Достаточно сказать, что лауреатами этого конкурса были такие известные исполнители, как Ирина Богачева, Галина Писаренко, Людмила Шемчук. После Рио-де-Жанейро Людмила Шемчук заняла первое место и на конкурсе имени Чайковского в Москве.

— Хотите продолжить традицию?

— Попробую...

— Музыка многих мастеров — это одновременно и интересный стилиевой пласт, и средство совершенствования голоса. Как бы вы составили свой «идеальный» репертуар?

— Любая музыка, если над ней поработал, оставляет свой отпечаток, свой результат. Мне почти недоступен еще весь оперный репертуар — теноровые партии, много красивой музыки. Но надо пробовать работать, иначе недоступно будет всю жизнь. «Фауст», Рудольф в «Богеме», Хозе... У нас в консерватории хотят осуществить исполнение 9-й симфонии Бетховена. Там есть интересные партии вокалистов с хором... Даже Архипова и Пьявко говорили, что это петь очень трудно.

— Известно, что лирические тенора — бывает такое на определенные голоса в определенное время — сейчас острый дефицит. Да и вообще, голос надо беречь. И надо много работать. Как думаете выйти из этого противоречия?

— Надо закаляться, чтобы не простужаться и т. д. Вокалист должен быть очень хорошим спортсменом. Если бодр, крепок — и голос звучит соответственно, а если нечто противоположное...

— Значит, любите спорт?

— Как и все, играю в футбол, настольный теннис. После больших музыкальных событий вначале расслабляешься, потом приходится работать по несколько часов в день... Надо быстро входить в «форму».

— Ваше любимое занятие кроме пения?

— Если не пою — читаю, разбираю клавиру. Но это, наверное, работа?..

С гостем беседовала
Л. ВЕСНИНА.

Званный гость

Алибек Днишев — член ЦК ЛКСМ Казахстана, заслуженный артист Казахской ССР, лауреат всесоюзного и международного конкурса вокалистов, солист ГАТОБ им. Абая — скоро будет выступать на ответственном международном конкурсе вокалистов в Рио-де-Жанейро.

ОДИН, БЕЗ СУФЛЕРА

ственной гимнастике, которую даже великие певцы ежедневно продельвали для профилактики? После оваций, вспомнив свое выступление, они говорили себе: «Ну что ж, сегодня ты сумел этого добиться, постарайся завтра это сделать еще лучше».

— Почти слово в слово говорит мне это Надия Абдрахмановна, так что я в безопасности... Да и мое понимание мастерства все время меняется. Студентом я любил итальянских вокалистов: включал проигрыватель и слушал — ухивался. После подготовки к шумановскому конкурсу произошла трансформация: появилась музыка немецких композиторов, сейчас мне импонирует их школа, ее высокая сдержанность. Вообще, я не понимаю погони за силой звука. Побеждает красота тембра. Вспомните Собинова, ведь голос у него был небольшой, но красивого тембра, с металлом, как говорят. Опасались даже: будет ли он слышен в Большом театре, но он «пробивал» любой оркестр и был слышен в любом зале.

— Видимо, удачей был ваш первый оперный образ — Ленский, в его партии так много «романсовости»...

— Ленский и его партия памяты нашим слушателям богатыми исполнителями

«переключения смысла», понимать особенности оперной драматургии...

— Игра — мне во всяком случае — помогает петь. Переставешь думать о формировании звука, его «открытости». Я не забуду сценический урок, который преподал мне Ермак Серкебаев. Это был урок партнерства, урок дружелюбия, наставничества — если хотите. В небольшой паузе перед квартетом «Скажи, которая Татьяна?» Ермак Бекмухамедович, который пел Онегина, сказал мне тихо несколько простых, ободряющих слов: мол, сейчас пойдешь и ты споешь, улыбнулся мне. Зрители это приняли естественно — мог же Онегин обменяться с Ленским понимающим взглядом, репликой? А я поразили и благодарно запомнил.

По правде говоря, на первом спектакле я не очень ощутил разницу в себе — концертном исполнителе и оперном. Но помню, меня поразили суфлеры: в камерном пении я привык полагаться только на себя, а тут слышу непонятное какое-то «ш-ш-ш»... Отвлекало и веселило, еле привык. Незабываемы гастроли в Большом театре: атмосфера приподнятости, ответственности влияла с самой лучшей стороны, подтягивала, мобилизовывала, заставляла «проклевывать-

в Цвиккау. И сравниваю все, и меряю — по нему.

— Победа, мы знаем, была нелегкой.

— На то она и победа... Дней за 20 до конкурса педагог по-немецкому стал переделывать мое произношение, чтобы не обвинили в стилистической нечужности. На месте кое-что пришлось переделывать, узнав наставление и традиции исполнения на этом конкурсе: по другому исполненное просто не приняли бы. Так вышел с «Лунной ночью» Шумана. А когда произведение, как мы говорим, «впето» — его трудно переделывать.

— Но зрители, говорят, подошли и оживленно пытались заговорить с вами, не веря, что языком вы не владеете...

— Меня поразили дети. Цвиккау — не столица, небольшой город, но много детей приходило слушать конкурс. А ведь все участники поют одно и то же — по программе. По-моему, это даже удивительно, но дети слушали внимательно, видимо, определяли разницу в исполнении, что-то записывали, подбегали за автографами. Очень приятно, когда даже дети встречают таким пониманием. О взрослых, о членах жюри и не говорю: нельзя было допустить не ту длительность; каждая точка, оттенок — все должно было быть на месте. Во-